

Н.Д. КОРИНА

*Кандидат искусствоведения, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств РАХ
e-mail: natalika.7@mail.ru*

N.D. KORINA

*Ph.D. (Art History), scientific researcher of Russian Academy of Arts Research Institute
e-mail: natalika.7@mail.ru*

DOI: 10.37485/1997-4663_2025_1_1_217_225

**«НАШ МАРШАЛ...». ПОРТРЕТ Г.К. ЖУКОВА КИСТИ
П.Д. КОРИНА**

**«HE'S OUR MARSHAL...». GEORGY ZHUKOV'S PORTRAIT
BY PAVEL KORIN**

Статья посвящена истории написания портрета маршала Г.К. Жукова, основанной на воспоминаниях самого автора картины и его современников. Этот образ, став одним из самых известных изображений «маршала Победы», является не только знаковым произведением для творчества Павла Дмитриевича Корина, но и всего советского искусства середины XX столетия.

The article examines the story of the creation of Marshal Georgy Zhukov's famous portrait, brought to life by the Russian painter Pavel Korin. The portrait itself became an icon of the "Marshal of Victory", who led the Red Army in the historic victory over Nazi Germany. It occupies a pivotal place not only in Pavel Korin's artwork, but in the history of Soviet art. In the article, the author strives to uncover little-known aspects in the history of the portrait's creation, relying on memoirs of both the artist (P.D. Korin) and his contemporaries.

Ключевые слова: П.Д. Корин, Г.К. Жуков, Победа, советская живопись, Великая Отечественная война, портрет

Keywords: Pavel Korin, Georgy Zhukov, Victory in World War II, Soviet art, the Great Patriotic War, portrait.

«Через этот портрет мы постигали значение Великой Победы над фашизмом как торжество нашего правого дела» [3, с. 181].

Так говорил художник и искусствовед В.П. Толстой об одной из самых известных картин победной эпохи — портрете четырежды Героя Советского Союза [1], маршала Георгия Константиновича Жукова кисти Павла Дмитриевича Корина. И, действительно, практически все, кто когда-либо писал об этом произведении, видели в нем больше собирательный вневременной образ русского воина, символ героизма и стойкости духа народа, нежели изображение реального человека (рис. 1).

В данной статье речь пойдет об этом портрете через воображаемый диалог с самим художником, ведь никто лучше автора не расскажет о своей работе. В воспоминаниях мастера и его современников сохранились как детали творческого процесса, так и персональные оценки событий и людей, что особенно ценно.

Обращаясь к истории произведения, важно отметить, что созданию столь мощного образа способствовало то, что Корин писал его сразу после завершения Второй мировой войны. Первоначально художник задумывал картину «Комитет обороны» — групповой портрет наших военачальников, сыгравших решающую роль в победе над фашизмом, для которой в первую очередь планировал приступить к натурному этюду с Жукова. Когда маршал ненадолго прилетел в Москву, Корину удалось с ним встретиться и рассказать о своей идее. Между художником и полководцем состоялся известный диалог, ниже приведем его:

«— Двух-трех сеансов, вероятно, хватит?» — спросил Жуков.

— Что Вы, Георгий Константинович, за это время и фотограф не управится. Нужно не меньше пятнадцати, а то и двадцати по полтора часа. Я отношусь к своему делу очень серьезно, как Вы к своему.

Рис. 1. П.Д. Корин. Портрет трижды Героя Советского Союза, маршала Георгия Константиновича Жукова. 1945. ГТГ

Рис. 2. Г.К. Жуков. Фото

Жуков недоверчиво посмотрел на художника.

— Да неужели так много времени нужно?

— Вы вот любуетесь “Девочкой с персиками” Серова. А знаете, что он писал этот портрет семьдесят сеансов? — ответил Корин.

— Раз так, — сказал маршал, — приезжайте в Берлин. Здесь у меня осталось всего несколько дней» [4] (рис. 2).

Уже через несколько месяцев, в октябре 1945 года, будучи лично приглашенным в штаб главнокомандующего группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), располагавшийся в Бабельсберге, Корин прибыл для работы над портретом. Хорошо известны мемуары об этом знаковом событии самого Павла Дмитриевича, и здесь представляется нелишним дать их полностью. Так в записных книжках художника отмечено: «16-го октября я на самолете улетел из Москвы в Берлин писать портрет маршала Г.К. Жукова. Провел там три месяца. Портрет написан. Нравится самому маршалу, нравится покамест и здесь — в Москве. 5 января 1946 года в 9:30 час. утра вылетел из Берлина на самолете в Москву, а в 2 часа, три четверти третьего опустился на аэродроме в Москве. Видел разрушенный Берлин. Зрелище апокалиптическое, предупреждение великой европейской цивилизации» [3, с. 19]. Жена художника Прасковья Тихоновна также рассказывала: «...Корин в форме капитана Советской Армии вылетел в Берлин, а через день в Бабельсберге состоялся первый сеанс. Приходилось писать только урывками (неожиданно Жуков выезжал по делам). Павел Дмитриевич провел там три месяца. Он записал в своей книжке: “Показал портрет маршалу Жукову и портрет ему понравился. Маршал сказал <...>: „Лицо полевое“. Я переспросил, почему полевое? Он ответил: „Такое бывает на поле боя“”» [3, с. 126]. Позднее у В.М. Черкасского мы находим уточнение: «...у командного состава на поле боя» [3, с. 242]. Именно эта фраза стала крылатой, можно сказать главной характеристикой всего образа, ведь Корин уловил то состояние, которое для любого воина, солдата (пусть и в маршальском звании) является определяющим. Во взгляде — решительность, собранность, воля, без которых на войне никак нельзя. Но можем ли мы понять сейчас, что скрывается за этим

Рис. 3. П.Д. Корин. Маршал Жуков. Берлин. 1945. Эскиз. ГТГ

кажущимся хладнокровием, чего стоит человеку нести на своих плечах ответственность за судьбы миллионов людей, за смертельный выбор, за вопрос самого существования Родины (рис. 3).

Корин восхищался Жуковым не только как полководцем, но и как человеком, всегда с теплом вспоминал время, проведенное в Германии, вблизи маршала. Этот период был для него очень плодотворным, писал с воодушевлением, да и сам портрет считал удачным, что для него, всегда требовательно относящегося к своим работам, крайне нетипично. Художник вспоминал: «Пришел я на первый сеанс, провели в комнату, где я должен был писать портрет. Чувствовал себя как-то неловко. Через несколько минут вошел Жуков, поздоровались. Крепкая, сухая уверенная рука. Спрашивает меня, давно ли, с каких лет я в Москве, когда уехал

из Палеха. Отвечаю, и он говорит мне: “А я по своей коренной профессии ведь скорняк и до революции работал в меховом магазине, может быть, помните, у Китайской стены на углу был такой большой магазин?”. Я отвечаю, что как же, помню. В этом магазине при входе было чучело огромного сибирского волка. На это Георгий Константинович, усмехнувшись, сказал: “Да, как же не помнить этого волка, хор-р-ош был волчище, да ведь и скорняк-то оказался не плох”. Мы вместе рассмеялись» [3, с. 241].

Сохранились карандашные наброски, сделанные с натуры во время работы над портретом, на которых Жуков находится как бы «под прицелом» у Корина. По этим «художественным документам» мы можем наблюдать, как рождался образ, менялась поза, выбирались ракурсы, но

Рис. 4. Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, П.Д. Корин. Фото. 1945. ГТГ

Рис. 5. П.Д. Корин. Маршал Г.К. Жуков. 1945. Обрат фото. ГТГ

очевидно одно — сама идея героического портрета возникла с самого начала и лишь шлифовалась в процессе. «Корин старался рисовать Жукова всюду, где видел его. Как-то адъютант маршала дал художнику фотографию, на которой были изображены Жуков и Рокоссовский, принимающие иностранную делегацию. С этой фотографией Корин в тот же день пришел на торжественное заседание в честь 28-й годовщины Октябрьской революции, состоявшееся в штабе наших войск. Маршал сидел в президиуме. Блокнот под рукой не оказалось, и Корин зарисовал Жукова прямо на обороте фотографии [4] (рис. 4, 5).

Однако, несмотря на всю обобщенность, точность в изображении деталей играет здесь важную роль. Так, без труда можно определить все награды на груди маршала, и в этом вопросе не могло быть небрежности. «Вот люди вышли из народа, такие таланты, — говорил Корин. — Вот Жуков поселил Рыбалко. Взгляд прямо римлянина. Грудь вперед, как иконостас, увешан орденами и крестами» [3, с. 203]. Так, мы видим на шее у полководца маршальскую звезду, рядом, с левой стороны — три золотые звезды Героя Советского Союза, под которыми находится колодка орденов и медалей. Здесь четыре ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, медаль «XX-летие РККА», медали за оборону Ленинграда, Москвы, Сталинграда, Кавказа, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», «За освобождения Варшавы» и «За взятие Берлина». Под орденской колодкой — плеяда других наград, среди которых выделяются два высших полководческих ордена «Победа». Помимо советских наград, на кителе присутствуют знаки и звезды высших орденов стран-союзниц по антигитлеровской коалиции: Великобритании, США, Франции, Польши и Чехословакии. Так, в 1945 году в Берлине Жуков был пожалован Большим Крестом Высочайшего ордена Бани (через правое плечо переброшена его темно-алая лента) и американским орденом «Легиона почёта». «За бортом», то есть с правой стороны груди мундира, находятся два ордена Суворова I степени (напомним, что Георгий Константинович был кавалером этого полководческого ордена за № 1), а также монгольские ордена Красного Знамени (за разгром японских войск на реке Халхин-Гол) и Тувинский орден Республики.

Колорит картины также поддерживает общий строй произведения. Фигура, помещенная на фоне алой полосы, выглядит более объемно и словно выносится на передний план, но даже яркие цветовые акценты декора кителя и золото наград не могут отвести внимания зрителя

от выражения лица модели, которое, благодаря мастерству художника, безусловно, играет доминирующее значения во всей композиции. Корин говорил: «Писать портрет Г.К. Жукова мне было очень приятно. Фигура его, военная выправка, твердые суровые черты лица, уверенность позы и движений — все это было так отчетливо, так определено, что само собою отобразилось на холсте» [3, с. 241] (рис. 6).

В мемуарах сохранилась история, благодаря которой уважение к Жукову в глазах Корина только возросло: «Был один случай, особенно поразивший меня в личности и характере полководца. Иду, спешу на сеанс. В доме, соседнем со ставкой Жукова, наши солдаты выкидывают из окон какой-то бумажный хлам — старые книги и бумаги. Остановился я, поднял несколько листов, тонкую книгу большого формата. В книге как будто бы английский язык, а на листах, по-видимому — восточный какой-то. Подошел я к парадной двери дома, на ней бронзовая дощечка, разбираю, что на ней. Оказывается, хозяин дома — ученый, профессор, специалист по восточным культурам. Думаю, какую ценную библиотеку наши солдаты уничтожают, возмущаюсь, а что поделаешь! Волнуюсь, вхожу в комнату, где пишу портрет. Входит маршал и сразу ко мне: “Что с вами, плохо вам?” — Отвечаю: “Вот какую картину сейчас я наблюдал”, и рассказываю ему, как листы книг, вероятно ценнейших, летели по ветру и падали на дорогу в грязь. Помню суровое лицо маршала, блеск его глаз и как на лице возникло подобие улыбки и он, усмехнувшись, сказал: “Да чему вы, Павел Дмитриевич, возмущаетесь, летят с плеч миллионы человеческих голов, а вы о каких-то бумагах беспокоитесь...”. Суровый сделался, сел на стул, и я, взяв себя в руки, начал писать. Не прошло, однако, и десяти минут, маршал встал и говорит: “Извините, я на минутку только отлучусь”, — и вышел. Вскоре возвратился как будто успокоившийся, это и мне передалось, и, хорошо поработав, я закончил сеанс. Выхожу на улицу. Человек двадцать солдат собирают книги и листы, разнесенные ветром, складывают в стопки, уносят в дом. Спросил одного, что это они делают. Маршал, говорит, приказал собрать и запереть в доме. “Так вот для чего он уходил с сеанса”, — догадался я. На следующем сеансе возник разговор об

Рис. 6. П.Д. Корин. Портрет маршала Г.К. Жукова. 1945. Эскиз. ГТГ

этом. Георгий Константинович сказал: “Я навел справки, что за человек жил в том доме. Оказалось — член Берлинской академии, крупнейший специалист по Индии. Хорошо, Павел Дмитриевич, что вы позаботились. Миллионы-то гибнут, а добро, народом созданное, надо беречь. Надо!”. А я подумал, хороший, правильный человек Жуков, наш маршал» [3, с. 242].

После завершения работы над портретом Корин вернулся в Москву и уже 19 января 1946 года на открывшейся в Третьяковской галерее Всесоюзной художественной выставке, экспонировал образ маршала Г.К. Жукова, который имел огромный успех. На этой же выставке демонстрировался и портрет маршала авторства художника Петра Ивановича Котова (рис. 7). Оба этих поясных изображения, написанных в один и тот же период в одном и том же месте, попадали под невольное сравнение. Однако, если Котову, работая с натуры, удалось создать более достоверный, жизненный портрет маршала, то Корин вышел далеко за рамки реалистического изображения: «В портрете Георгия Константиновича я хотел отразить и нестигаемую волю нашего народа и торжество победы» [3, с. 151], что, безусловно, ему удалось блестяще. В.П. Толстой, обозревая выставку, выразился тогда так: «...как важно художнику быть на уровне своей модели и сколь многое вносит он в произведение от своего характера и духовного мира. На портрете Котова перед нами весьма похожее на оригинал изображение военного в парадном мундире и регалиях, расцветченное согласно общепринятым представлениям о так называемой “живописности”. На портрете Корина мы увидели не только яркий, незабываемый облик этого выдающегося полководца, его могучую волю, энергию, характер, но и смогли почувствовать ту силу, которая сделала эту личность столь значительной, — силу народа-победителя» [3, с. 181]. Несмотря на то, что многие критики были согласны с такой оценкой, самому Жукову портрет Котова понравился и, по свидетельству родственников, он даже подарил в ответ художнику памятный подарок. Свою положительную характеристику коринскому портрету он дал в официальном отзыве, написанном на имя председателя комитета по делам искусств М.В. Храпченко (рис. 8).

Рис. 7. П.И. Котов. Портрет Г.К. Жукова. 1945. ГРМ

Отмечая героизацию облика конкретного человека, через которого воплощается собирательный образ воина, хотелось бы обратить внимание на общее в трактовке двух ключевых произведений не только для творчества Корина, но и всего советского искусства середины XX столетия — портрета Г.К. Жукова и Александра Невского с центральной части одноименного триптиха (рис. 9), написанного несколькими годами ранее. Величайшие по силе эмоционального воздействия работы были написаны в орбите лет Великой Отечественной войны — одного из самых страшных периодов русской истории. Неслучайно, что оба эти полотна-символа, олицетворяющие мощь русского оружия и выше — духа русского солдата во все времена, художник наделяет схожими чертами. Взгляд Александра Невского с легким прищуром и устремлен влево и немного вверх, тот же прием мы видим у Жукова, чье лицо вдобавок, вопреки натуре, вытянуто и смоделировано более рельефно. В данном случае очевидные исторические смысловые параллели, заданные Кориным, подкрепляются еще и живописными акцентами, схожим колористическим решением.

Триптих «Александр Невский» был воплощен в 1942 году, в переломный период войны, когда ее исход еще не был предрешен. Этот величественный и в то же время воинственный образ, выходящий из глубины веков, должен был поднимать боевой дух народа на фронте и в тылу. Известно, что в феврале 1944 года его огромную копию разместили при въезде в освобожденный и разрушенный фашистами Новгород. Портрет Жукова, написанный сразу после окончания войны, с одной стороны, уже знаменует ее победный финал, но с другой — в нем все еще чувству-

Рис. 8. Заверенная копия отзыва Г.К. Жукова на его портрет, написанный П.Д. Кориным. 1945. ГТГ

Рис. 9. П.Д. Корин. Триптих «Александр Невский». Центральная часть. 1942. ГТГ

ется и запах пороха, и жар тяжелейших сражений. Несмотря на то, что в период Великой Отечественной войны способности к стратегическому мышлению, истинный героизм и отвагу проявили многие командиры и военачальники, именно Жукову, принимавшему Парад Победы на Красной площади 1945 года, навсегда суждено было стать главным «маршалом Победы» для миллионов людей.

Подводя итог, хотелось бы привести слова из знаменитого издания воспоминаний и размышлений самого Георгия Константиновича, где в заключении он пишет: «Я посвятил свою книгу советскому солдату. Его кровью и потом добыта победа над сильным врагом... Советский солдат заслужил памятник на века от благодарного человечества» [3, с. 749] Коринский портрет — ровесник Великой Победы и сейчас, спустя 80 лет, можно с уверенностью сказать, что он стал не только самым известным изображением Жукова, символом доблести и героизма русского воина, но и достойным памятником самому «Маршалу Победы». На века. От благодарного человечества.

Примечания:

1. Звание четырежды Героя Советского Союза Г.К. Жукову было присвоено в 1956 году, на момент написания портрета он был трижды героем. Благодарю за помощь в процессе подготовки статьи генерального директора Новгородского музея-заповедника Сергея Павловича Брюна, искусствоведа Тамару Сергеевну Кружкову и ведущего научного сотрудника НИИ РАХ Алексея Александровича Дружинина.

2. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. — Москва, 1969. — 752 с.

3. *Корин П.Д.* Об искусстве. Статьи. Письма. Воспоминание о художнике / Сост. Н.Н. Банковский. — Москва: Советский художник, 1988. — 324 с.

4. *Никольский С.* Портрет маршала // Советская культура. — 1975. — 6 мая.